

СИБИРЬ КАК ЛАБОРАТОРИЯ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ, УПРАВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ И АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ¹

С. С. Савоскул

ЭВЕНКИЯ В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б. О. ДОЛГИХ (1926–1944)

Выдающийся отечественный этнограф Б. О. Долгих в ранний довоенный период своей научной деятельности значительную часть времени провел в длительных экспедиционных поездках по северу Красноярского (Туруханского) края, прежде всего по территориям, позднее вошедшим в состав Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского округов.

Участие в Приполярной переписи 1926–1927 гг.²

Будучи еще студентом МГУ, он участвовал (в качестве регистратора) в работе Приполярной переписи (1926–1927) в Туруханском крае: а) на Подкаменной Тунгуске, переписывая кетов и местных тунгусов, и б) на Таймыре, где обследовал нганасан, долган, местных якутов и тунгусское население юго-восточной части полуострова.

¹ Секция проведена при поддержке проекта “Etnos: A life history of the etnos concept among the Peoples of the North” (ESRC, UK, PI — Prof David G. Anderson).

² Об этом этапе в жизни Б. О. Долгих подробнее см.: [Савоскул 2004: 126–147].

В 1926 г., то есть в год, когда началась Приполярная перепись, Б. О. Долгих был вольнослушателем 1-го МГУ, где ходил на лекции по этнографии и антропологии. Одновременно он работал техническим сотрудником в Обществе по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока, где и познакомился с учеными-североведами. На очередном заседании общества он узнал о начинающейся вскоре Приполярной переписи и возможности участия в ней. Получив рекомендацию уже тогда известного антрополога профессора В. В. Бунака, он был включен в число статистиков-регистраторов переписи в составе Туруханской статистической экспедиции, которую возглавил красноярский советский и партийный деятель А. П. Курилович. В конце мая 1926 г. Борис Осипович прибыл в Красноярск, а 9 июня 1926 г. вместе с тремя другими переписчиками, составившими первую партию Туруханской экспедиции, отплыл на лихтере парохода «Лена» вниз по Енисею. 18 июня пароход дошел до устья Подкаменной Тунгуски, где высадились Долгих и Сушилилин [ГАКК. Ф. р-1380. Оп. 1. Д. 447. Л. 54 об.–55].

Борису Осиповичу до осени предстояло переписать кетов (енисейских остяков), в это время собравшихся на ярмарку в дер. Подкаменная Тунгуска, и тунгусов (эвенков), прибывавших на весеннюю ярмарку к дер. Кузьмовка, расположенной в нижнем течении Подкаменной Тунгуски. До 22 июня Долгих и Сушилилин пробыли в дер. Подкаменная Тунгуска. Ярмарка близилась к концу, кеты спешили сдать заготовленную зимой пушнину, чтобы получить взамен необходимые им товары и отправиться к традиционным местам своих летних рыбалок. Поэтому переписывать кетов приходилось в чрезвычайной спешке [ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 306. Л. 34].

Борису Осиповичу пришлось начать работу с посещения шамана Василия Мосейкина, пользовавшегося большим влиянием среди кетов. «Лишь только когда он был зарегистрирован, — писал позднее в своей книге Долгих, — стали приходиться другие кеты» [Долгих 1934: 113–114].

К прибытию парохода «Кооператор» с начальником Туруханской экспедиции А. П. Куриловичем и второй партией регистра-

торов перепись кетов в основном была закончена. За четыре дня работы Борис Осипович успел зарегистрировать 52 остяцких (кетских) хозяйства, в которых насчитывалось 260 человек.

Утром 23 июня пароход пошел вверх по Тунгуске и через два дня к вечеру добрался до маленькой русской деревни Кузьмовка, преодолев 200 верст пути. Тут Долгих остался, а Сушилилин на следующее утро поплыл на пароходе дальше, чтобы попасть на факторию Полигус, где ему предстояло переписывать тамошних тунгусов.

В Кузьмовке Борис Осипович пробыл три недели. В первый же день для разъяснения задач переписи он провел суглан тунгусов, вышедших на здешнюю весеннюю ярмарку. Как и в дер. Подкаменная Тунгуска работать приходилось спешно — тунгусы оставались на ярмарке недолго, к тому же многие стремились уклониться от переписи. Но молодому этнографу удалось переписать практически всех тунгусов этого района — 62 семьи с общим числом населения около 425 человек. Потом Долгих принялся за перепись постоянного русского населения деревни, состоявшего из 19 хозяйств, и одновременно собирал материал для дополнительных бланков, в частности сведения о товарообороте тунгусских хозяйств по документам Кузьмовской фактории [ГАКК. Ф. р-769. Оп. 1. Д. 306. Л. 35–35 об., 39–40].

16 июля Долгих отправился из Кузьмовки на лодке вниз по Подкаменной Тунгуске. По пути он провел перепись в маленьком поселке Черный Остров, а вечером 18 июля вернулся в дер. Подкаменная Тунгуска.

Здесь он прожил до начала августа, приводя в порядок составленные к тому времени переписные бланки, и несколько раз ездил к ближайшим кетским становищам, чтобы выяснить, нет ли там незарегистрированных людей, и, надо полагать, заодно собирал этнографический и фольклорный материал.

После подготовки краткого предварительного отчета о переписи на Подкаменной Тунгуске Борис Осипович по распоряжению Куриловича 5 августа был «переброшен» на станок Осиновский на Енисее, где в течение нескольких дней провел перепись местного, главным образом русского, населения.

Из Осиновского Долгих также ездил в кетские становища и переписал некоторые не зарегистрированные до этого семьи. Одновременно он продолжил сбор материалов по этнографии кетов, в частности во время работы в кетском становище Бызыкаловка. По словам Долгих, им тогда «был нащупан родовой строй у остяков, после чего пришлось сделать дополнения и исправления во всей переписи остяков» [Там же. Л. 39–39 об.].

К середине августа Борис Осипович вернулся на лодке в дер. Подкаменная Тунгуска, где пробыл до начала сентября, когда сюда прибыл пароход «Кооператор». В эти дни он обрабатывал переписные материалы и совершал поездки к кетским становищам. Отчет о летней работе Долгих закончил уже в Дудинке, куда прибыл в начале сентября.

Зимний сезон полевой работы (с ноября 1926 г. до конца мая 1927 г.) Борис Осипович провел на Таймыре.

Участие в Приполярной переписи явилось, несомненно, одним из важнейших событий в жизни Б. О. Долгих. Эта первая встреча с Севером навсегда определила его судьбу и как человека, и как профессионального этнографа. Вернувшись в Москву, он был принят на II курс университета. Вскоре он подготовил и опубликовал в журнале «Северная Азия» (1929. № 2) свою первую научную статью «Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района». Позднее на основе итогов Приполярной переписи и собственных полевых материалов молодой ученый написал свою первую книгу «Кеты». Кроме того, результаты тогдашней полевой работы нашли отражение и в ряде его неопубликованных текстов — отчетах (особенно значителен по объему и использованному в нем материалу отчет по итогам работы на Таймыре), картах, составленных по заданию ЦСУ. Несомненно, Долгих во время экспедиции делал и фольклорно-этнографические записи, которые частично отражены в его позднейших публикациях фольклора и исследовательских работах. К сожалению, в известных мне архивных фондах экспедиционных дневников 1926–1927 гг. нет. Не исключено, что они были изъяты во время ареста Бориса Осиповича в 1929 г.

Экономист Илимпейской землеустроительной экспедиции

Как известно, в 1929 г. Долгих был арестован, осужден по политической статье (за высказанное критическое отношение к начавшейся в стране коллективизации) и сослан на три года в с. Краснояррово Иркутской губ., расположенное на р. Лене. За время ссылки он и подготовил книгу о кетах, которую издал в Иркутске после освобождения. Молодой ученый некоторое время проработал в этом городе в отделении Географического общества и Губернском статистическом управлении. Здесь же он узнал о возможности участия в землеустроительной экспедиции на Таймыр. С этими экспедициями, организованными для подготовки коллективизации на Севере, связан следующий цикл экспедиционных поездок Долгих — вначале в Авамском районе Таймыра (1934–1935), а затем в Илимпейском районе Эвенкийского округа (1935–1937).

Будучи по первоначальному образованию бухгалтером-экономистом, Борис Осипович все эти годы занимал должность экономиста этих экспедиций. Он вел полевую работу практически среди всех этнических групп Красноярского Севера, в том числе и среди эвенков. Наряду со своей непосредственной работой экономиста, позволившей ему досконально изучить современную социально-экономическую и этнокультурную ситуацию в этих округах, он много внимания уделил и сбору материалов по традиционным этнографическим и фольклористическим сюжетам. Значительная часть результатов этой работы осталась в архивах, в том числе в личном фонде этнографа в архиве ИЭА РАН, где, в частности, хранятся его полевые дневники, которые он вел как в Эвенкийском округе, так и на Таймыре. В этом фонде сохранились три общие тетради (объемом около 200 листов) «эвенкийского» дневника, начатого в сентябре 1935 г. и оконченого в январе 1937 г. В них сохранились многочисленные заметки о быте, материальной и духовной культуре, социальной организации, религии и фольклору эвенков и эссеистских якутов.

После завершения работы на Таймыре, Долгих начал полевые изыскания в Илимпейском районе Эвенкии. Судя по дневнику,

эта работа началась в сентябре 1935 г., а уже в мае следующего года в Туре Борисом Осиповичем был завершен большой труд (153 рукописных листа), состоящий из шести очерков об истории и современной жизни «коренного» населения Илимпейского района Эвенкийского округа [ГАКК. Ф. р-2275. Оп. 1. Д. 370]. Первую часть этой серии составляет «Историко-этнографический очерк Илимпейского района» (л. 1–20). Следующий очерк — «Коренное население Илимпейского района» (л. 21–73). Три сравнительно небольших очерка (л. 74–105) освещают народное образование и здравоохранение района, а также его транспортные условия. Последний очерк — «Классовая дифференциация и классовая борьба»¹ (л. 106–153). Помимо названной серии работ, Б. О. Долгих подготовил «Общий очерк экономики коренного населения Илимпейского района» [ГАКК. Ф. р-2275. Оп. 1. Д. 228] на 48 листах.

Годы работы в Эвенкии стали важной вехой и в личной судьбе молодого ученого — он встретил здесь Веру Гордеевну Попову, свою будущую жену, работавшую в округе учительницей, которая посвятила всю свою остальную жизнь семье и стала верной помощницей исследователя.

В личном фонде Бориса Осиповича в архиве ИЭА РАН хранится интереснейший документ, проливающий свет на тогдашнюю очень непростую социально-политическую обстановку, сказавшуюся и на личной жизни нашего героя. Из огромного письма-дневника (50 страниц блокнота) Вере Гордеевне, которое Борис Осипович писал во время своего сентябрьского (1936) путешествия из Туры в Чиринду, мы узнаем не только о «сердечных» переживаниях жениха, но и о вынужденных «политических оправданиях» бывшего репрессированного по политическим мотивам перед своей молодой невестой-комсомолкой. В частности, Долгих писал ей о своем теперешнем отношении к советской власти:

¹ Машинописный вариант этого очерка больше по объему, по сравнению с рукописным, и назван «Классовая дифференциация, классовая борьба и коллективизация» [ГАКК. Ф. р-2275. Оп. 1. Д. 224. Л. 51–96; Д. 226. Л. 170–187 об.].

«Не сомневайся, Вера, в моем политическом “credo”. Как я тебе уже говорил, сейчас я верный сын нашей социалистической родины и даже, может быть, более предан ей, чем многие люди, имеющие партбилет.

Ты по моему отношению к тебе должна чувствовать, что раз я чему-либо поверил и убедил себя в этом, то я отдаюсь этому чувству весь без остатка. Обещаю тебе также, что если на Советский Союз нападут, то я сразу пойду и предложу себя в качестве добровольца защищать нашу родину, дело коммунистической партии и идеи товарища Сталина.

А пока в гражданской обстановке буду бороться со всем тем, что мешает строительству коммунизма и своим личным трудом сделаю все, что смогу, и для Советского государства, и для советской науки» [АИЭА РАН. Ф. 16 (Б. О. Долгих)].

Читая подобные строки, особенно ясно понимаешь, в какой тяжелой атмосфере пришлось жить старшему поколению наших ученых, которых в любую минуту могли оторвать от любимого дела и отправить в лучшем случае в ссылку.

Северная экспедиция (1938–1939) Красноярского краевого музея¹

Третий этап довоенных экспедиционных поездок Б. О. Долгих относится ко времени его работы в должности этнографа Красноярского краевого краеведческого музея (1937–1944). В 1938 — начале 1939 г. он организовал и провел Северную экспедицию Красноярского музея в Туруханский район, Таймырский и Эвенкийский округа. В результате этой поездки были получены уникальные материалы, которые в дальнейшем легли в основу многих работ ученого по самой различной тематике, в том числе по этногенезу и этнической истории народов Красноярского Севера, прежде всего Таймырского, по их современной социальной организации, экономике, материальной культуре, фольклору и другим сторонам их духовной сферы, включая религиозную.

¹ Об этом этапе жизни Б. О. Долгих см. подробнее: [Савоскул 2009: 100–118].

В рукописной «Рабочей программе сбора этнографических материалов в течение экспедиции на Север, отправляемой госмузеем Красноярского края в 1938 г.» Борис Осипович на семи страницах намечает планируемую этнографическую работу в каждой из локальных этнических групп, которые должны были встретиться на намеченном для экспедиции маршруте. Приведу для примера программу работы у эвенков в районе озер Чиринда и Воеволи (север Эвенкийского округа).

«Записать сказки, предания (Спир[идон] Вас[ильевич] Оегир, Егор Хирогир...).

Проверить мои лингвистические построения. В частности н//д; в//б//м и т.д.

Установить разницу в быте и хозяйстве турыжцев и илимпейцев.

Откуда пришли те и другие, и их отношения с другими эвенками.

Какие еще роды жили в Илимпее в старину.

Записать рассказы о разбойничьих походах.

Записать номенклатуру родства.

Детально описать производственные процессы и жилища.

Уточнить вопрос о браке и семье, по Винникову¹. В частности, брачные отношения между родами.

Описать нимат.

Проверить перевод родовых названий.

Уточнить родовой состав Боягирей» [АИЭА РАН. Ф. 16 (Б. О. Долгих). Папка 15].

В середине июля 1938 г. экспедиционный отряд, в который, помимо Долгих, вошли научный сотрудник музея, комсомолец М. С. Струлев, назначенный начальником экспедиции, и фотограф И. И. Балувев, отправился из Красноярска на пароходе. Можно полагать, что беспартийного, к тому же недавно репрессированного по политическим мотивам Б. О. Долгих в то время нельзя было назначить начальником им же организованной экспедиции.

¹ И. Н. Винников — сотрудник Института этнографии и антропологии АН СССР (Ленинград) в довоенные годы, специалист по системам родства.

Конец лета Борис Осипович с товарищами работали в Игарке и Дудинке, а с конца августа до начала ноября — на Таймыре. В начале ноября экспедиция отправилась из Волосянки, станка на Хатангском тракте, на юг, в Эвенкию. Уже 4 ноября были на фактории Камень. Здесь и далее на реке Аякли (уже ближе к середине ноября) по дороге к Ессею записывали данные по номенклатуре родства есейских якутов. При этом выяснились и некоторые отличия последних от общеякутской терминологии. Нужно сказать, что в «Камне» (горном массиве Путоран на границе двух округов) и по всей южной и юго-восточной части Таймыра жило немало есейских якутов, многие из которых давно выселились с Ессея, но сохраняли с ним семейные, общинные и деловые связи.

На озеро Ессей приехали 22 ноября и пробыли на его берегах и в их окрестностях почти месяц. Здесь, как и у нганасан, большую часть времени исследователь посвятил записям фольклора, прежде всего исторического. Поскольку Борис Осипович хорошо владел якутским языком, то при записи он переводил в уме то, что ему рассказывали по-якутски, и тут же записывал это на русском языке. Основное внимание он уделит фиксации текстов, которые есейские якуты называли «эсториэ» или «кэпсэль», то есть исторические предания (вести), а также записи сказок, хотя у них был широко распространен и другой вид устной литературы — «олонко», в основном, по предположению Долгих, повторяющий широко известные олонхо южных якутов-скотоводов. По этой причине, а также из-за недостатка времени он записал всего 4 олонко, в то время как исторических преданий (эсториэ) им было зафиксировано 65, из которых 43 — в самом Есее, а остальные — от есейских якутов, живших в Чиринде и Туре.

Как писал Борис Осипович, подводя итоги экспедиции, «фольклор есейских якутов оказался очень богатым по содержанию и так же, как фольклор нганасан, дает, по нашему мнению, ценный материал для установления исторических судеб населения Севера» [КККМ. Ф. 1843. Оп. 1. Ед. хр. 600. Л. 9–9 об.].

Наиболее популярным и интересным у есейских якутов был цикл преданий о героях Урэне, Юнгкэбиле и народе маятах. Вместе с прымакающими к ним сюжетами они составляли почти

половину записанных Долгих текстов. По его словам, как и в записанных перед этим нганасанских дюрумэ, здесь также фигурируют две враждующие стороны. «Одну из них, имеющую вождем Юнгкэбиля и часто представляющую народ маятов, можно отождествить с героями эпоса нганасанов жителями лесотундры. Другая враждующая сторона, во главе с Урэном, как бы соответствует нганасанским татуированным эвенкам. Но характерно: на Ессее симпатии творцов преданий часто уже на этой стороне. По всей вероятности, этот цикл преданий отражает имевшую место в действительности борьбу между северными и южными эвенкийскими племенами, из которых первые вошли в состав нганасанов, а вторые — в число есейских якутов, или остались среди прилегающих к Ессею эвенков Илимпей, верховьев Оленека и т.д.» [Там же. Л. 8].

Кроме фольклора на Ессее было собрано немало и другого этнографического материала, характеризующего эту своеобразную группу якутов-оленеводов и охотников, имеющую значительные отличия от южных якутов-скотоводов. Как и в других местах, на Ессее участники экспедиции немало внимания уделяли фиксации и изучению перемен, которые принесли советизация и коллективизация. На фотографиях Балужева мы видим и новую поселковую школу, и медпункт, и школьников, в том числе на уроке якутского языка.

Во второй половине декабря экспедиция отправилась на озеро Чиринда, где находились одноименная фактория, школа и пр., то есть формировался поселок, притягивавший окрестных эвенков, а отчасти кочевавших неподалеку есейских якутов. Здесь, как и на Ессее, Долгих провел немало времени во время работы в Илимпийской землеустроительной экспедиции. Конечно, знакомство с местными людьми и тут способствовало успеху в сборе этнографического материала. За десять дней пребывания в Чиринде и ее окрестностях (на оз. Томпоко, на стойбищах по рекам Котуй и Котуйкан — уже по дороге в Туру) Борис Осипович записал три десятка эвенкийских фольклорных произведений и около двух десятков якутских, зафиксировал данные по социальной организации, в том числе номенклатуре родства у илимпийских эвенков,

и другие этнографические материалы. При этом и в фольклоре, и в терминологии родства и свойства чириндинских эвенков исследователь обнаружил немало общего с ессейскими якутами. В частности, в фольклоре и ессейских якутов, и илимпийских эвенков существует единый цикл преданий, объединяемый героем Урэном, что отличает эту группу эвенков от южной, подкаменно-тунгусской группы. Различия между ними прослеживались и в других элементах традиционной культуры. Долгих в своем предварительном отчете выдвинул гипотезу о существовании двух групп эвенков, отличающихся по их традиционной брачной организации. «Из них ангарско-подкаменно-тунгусская группа будет более архаичной, а илимпийско-нижне-тунгусская более новой в этом отношении» [Там же. Л. 9 об.].

Новый 1939 г. участники экспедиции встретили на р. Котуй. Второго января они были на оз. Воеволи, откуда перебрались в верхнее течение Кочечума, при впадении которого в Нижнюю Тунгуску и находится Тура — центр Эвенкийского округа. Этот маршрут долгое время, до тех пор пока на смену оленьим аргишам не пришла авиация, был основной дорогой, связывавшей зимой Туру с северными поселками Илимпии — Чириндой и Есеем. На этом пути экспедиции не раз попадались навстречу эвенки и якуты, перевозившие товары из центра округа в свои поселки.

В Туру приехали 6 января. По масштабам тогдашней Эвенкии Тура с ее более чем тремястами жителями была большим поселком. Больше Туры по населению (450 человек) был тогда в этом округе лишь поселок графитного рудника Ногинск, до сих пор живущий сравнительно изолированно от всего округа. А, например, в Байките — ныне третьем по величине поселке Эвенкии — жило в то время 60 человек [КККМ. Ф. врем. хр. Оп. 8. Д. 1. Л. 63–66].

В Туре пробыли чуть больше недели. Основное внимание уделили работе в архиве музея, где, в частности, нашли дореволюционные (1914) дела Ессейской миссионерской часовни. Кроме того, Долгих записал от одного из проживавших тут ессейских якутов несколько исторических преданий, дополнив тем самым тексты, собранные в Есее и Чиринде.

Дальнейший маршрут экспедиции вел в Байкит. По пути у фактории Виви, на устье одноименного северного притока Нижней Тунгуски, а также дальше по пути к Байкиту, на реке Катарамбе, от эвенков Панкагиров, Кемукагиров и Чапогиров Долгих записал более 20 фольклорных произведений, характерных для эвенков этого района.

В поселок Байкит прибыли 22 января. Тут также были записаны (около десятка) эвенкийские предания и сказки. Здесь, пишет Борис Осипович, насколько об этом позволял судить такой небольшой фольклорный материал, уже совсем отличная, по сравнению с северной, зона эвенкийского фольклора [КККМ. Ф. 1843. Оп. 1. Ед. хр. 600. Л. 10 об.].

За недолгое (чуть больше недели) пребывание в Байките и его районе, помимо записей фольклора, Долгих удалось проверить данные о родовом составе южных эвенков. В частности, одной из задач, которые он перед собой ставил при посещении байкитской группы эвенков, судя по составленной перед экспедицией программе, было «проверить схему Анисимова». Речь, конечно, шла о вышедшей в 1936 г. книге А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков (тунгусов)», фактические данные для написания которой автор собирал в Байкитском районе. Эта работа является одним из ярких образцов широко распространившегося в 1930-е годы тенденциозного укладывания собранных в «поле» фактов в марксистскую схему (к тому же отнюдь не творчески освоенную) развития первобытнообщинного строя. Борис Осипович, очевидно, уже тогда достаточно скептически относился к подобным работам. Поэтому у него и возникло желание проверить в поле схему, изложенную в вышедшей не так давно книге. Недавно опубликованное письмо Долгих Н. П. Никульшину, являющееся по существу отзывом на книгу последнего, присланную красноярскому этнографу, очевидно, в конце 1939 г., то есть вскоре после возвращения из Северной экспедиции, подтверждает критическое отношение Бориса Осиповича к работе Анисимова. По всей вероятности, оно сложилось (или укрепилось) после проверки его схемы у подкаменно-тунгусских эвенков. По мнению Долгих, книга Никульшина — «первая работа о народах севера Красноярского

края, затрагивающая не только этнографические, но и актуальные вопросы социалистического строительства среди народов Севера, и при этом с большим знанием дела. ... У Вас нет укладывания действительности в схему (что чувствовалось в одной другой работе по эвенкам), и поэтому у Вас получилось, с одной стороны, описание живой действительности, а с другой — ценный и глубокий ее анализ» [Решетов 2004: 76].

Свой отчет об экспедиционном маршруте Долгих завершает словами: «В Байките этнографическая работа экспедиции закончилась». Из Байкита, судя по телеграмме Струлева от 30 января, экспедиция выехала в тот же день. Поскольку он просил прислать деньги в Богучаны (на Ангаре), а в Красноярск они прибыли не раньше, чем месяц спустя, то, скорее всего, вылет на самолете, о возможности которого начальник экспедиции телеграфировал 26 января, не состоялся и добраться пришлось наземным путем.

Значительные по объему и многообразные по содержанию фольклорные и этнографические материалы, собранные Долгих в Северной экспедиции, широко использовались им в своей последующей научной работе. Так, тогдашние фольклорные записи послужили основой для дальнейших его публикаций по нгансанскому и энецкому фольклору. К сожалению, значительное собрание эвенкийского фольклора и фольклора эсеевских якутов до сих пор осталось неизданным. Фольклорные и другие этнографические материалы Северной экспедиции активно и неоднократно использовались ученым в исследованиях по этногенезу, этнической и социальной истории народов Енисейского Севера. Среди собственно этнографических материалов экспедиции важное место занимали данные по родовому составу обследованных народов. Они стали одной из главных основ источниковой базы кандидатской диссертации Бориса Осиповича, первоначальный вариант которой он успешно обсудил еще в 1940 г. на заседании отдела Сибири с ленинградскими этнографами, а защитил уже в 1947 г. в Москве.

Тунгусские (эвенкийские) полевые материалы, полученные Борисом Осиповичем в предвоенные годы, практически не нашли отражения в его публикациях, поскольку в дальнейшем он со-

средоточился на этнографии самодийцев и в меньшей мере кетов, а также на тщательном изучении истории социальной организации народов Сибири. Но тем не менее «эвенкийская» часть его научного наследия, отложившаяся в его личных фондах Архива ИЭА РАН, а также Красноярского музея и краевого архива, является весьма интересной, хотя и малоизвестной частью его научного наследия.

Источники

АИЭА РАН. Ф. 16 (Б. О. Долгих).

ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. р-1380. Оп. 1. Д. 447; Ф. р-769. Оп. 1. Д. 306; Ф. р-2275. Оп. 1. Д. 370; Ф. р-2275. Оп. 1. Д. 224, 226, 228.

КККМ (Красноярский краевой краеведческий музей). Ф. 1843. Оп. 1. Ед. хр. 600; Ф. врем. хр. Оп. 8. Д. 1.

Библиография

Долгих Б. Кеты. Иркутск; М., 1934.

Решетов А. М. Борис Осипович Долгих и ленинградские сибиреведы (к постановке вопроса) // Этносы Сибири: Прошлое. Настоящее. Будущее. Красноярск, 2004. Ч. 1.

Савоскул С. С. Впервые на Севере: Б. О. Долгих — регистратор Приполярной переписи // ЭО. 2004. № 4.

Савоскул С. С. Этнограф Красноярского музея Б. О. Долгих в 1937–1944 гг. // ЭО. 2009. № 1.

Abstract

The article is devoted to the history of fieldwork of outstanding Russian ethnographer of the north B. O. Dolgikh he conducted at the territory of the Evenk Autonomous District from 1926 to 1939.